

М. М. РАВЧЕНКО

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: НЕЛИНЕЙНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

XX в. стал поворотным моментом, коренным переломом в восприятии места человека в мире, что нашло отражение в деконструкции мира как объекта и объективности как способа его познания. Особенно четко это проявилось после Второй мировой войны, когда на смену модерну приходит постмодерн. Человек больше не воспринимается как возвышающийся над действительностью субъект, способный силой разума познать окружающий мир. Он находится внутри познаваемой реальности, ощущает ее влияние и сам, в свою очередь, способен воздействовать на нее. Бытие человека в мире обрело сложность, динамизм, многоликость, альтернативность

Появление идей о целостности и фундаментальности научного познания, переход к междисциплинарности связан с формированием новой, синергетической парадигмы. Впрочем, новое междисциплинарное направление, которое ставит своей задачей познание общих закономерностей самоорганизации в системах самой разной природы (от физических до социальных), имеет несколько названий: синергетика (Г. Хакен), теория диссипативных структур (И. Пригожин), теория динамического хаоса (М. Фейгенбаум). В отечественной литературе принято преимущественно первое название, как наиболее краткое и емкое, а также термин, предложенный С. П. Курдюмовым, — «нелинейная динамика».

В соответствии с синергетической парадигмой историческая эволюция в обществе характеризуется переходом от одной относительно устойчивой системы к другой, с новым уровнем организации элементов и самоорганизацией; при этом формирование каждого нового уровня

152

системы сопровождается прохождением ее через точки бифуркации, где даже самые малые флуктуации могут вызвать серьезные последствия и привести к появлению новых структур.

Такой подход меняет привычное для нас представление об истории, она уже не мыслится столь однозначной. Человек становится уже не просто марионеткой, поведением которой руководят высшие силы, рок, провидение и т. д. Его действия не являются тщетными, нивелированными в общем движении социума. В особых состояниях неустойчивости социальной системы действия каждого отдельного индивида могут повлиять на состояние системы в целом¹. Это, в свою очередь, делает человека более ответственным в отношении своих поступков и повышает значимость каждого индивида в планетарном масштабе.

В. В. Василькова, рассматривая закономерности социального развития с точки зрения синергетики, выделяет две стадии состояния социума:

1. Открытая, динамичная, далекая от равновесия — это стадия зарождения нового порядка. Она связана с усилением социального метаболизма (межсистемного обмена), ростом социальной неоднородности, обострением социальных конфликтов. Катализатором подобных процессов может стать война, как форма обмена различными человеческими ресурсами. В таких условиях проявляется тенденция к самоопределению частей системы, к обособлению их внутри системы. В идейно-политическом отношении этот период соответствует либеральной идеологии.

2. Самоизолирующаяся, ориентированная на статичность, близкая к равновесию — стадия сохранения порядка. Этот этап характеризуется минимизацией внешних воздействий на систему, сглаживанием социальных неоднородностей, централизацией, авторитарным стилем управления, господством консервативной идеологии².

Процесс социальной самоорганизации проходит по законам циклического чередования режимов — рождение порядка из хаоса, сохранение порядка и его разрушение (переструктурирование). Эти процессы проявляются в периодической смене демократизма и авторитаризма, рыночных и этатистских тенденций, коллективизма и индивидуализма.

Вторая мировая война стала очередной точкой бифуркации в ходе исторического развития человечества. Она создала новый миропорядок, ценой неимоверных человеческих жертв потерпела крах гитлеровская

153

альтернатива, на мировой арене появляются два новых крупных игрока — СССР и США, начинает формироваться биполярный мир, человечество смогло оценить всю разрушительную мощь ядерного оружия.

По окончании войны в СССР вполне реальной была возможность возникновения противостояния

«тоталитарный режим — народ-освободитель». Однако этого не произошло в силу ряда причин. Одной из самых важных, на мой взгляд, была психологическая усталость от войны, бесконечных лишений и жертв, желание людей вернуться к нормальной, мирной, созидательной жизни. Другим немаловажным обстоятельством оставалось то, что в общественном сознании, сформировавшемся в 1930—1940 гг., сохранялась вера в «вождя», приведшего страну к победе, был примат общественных ценностей над индивидуальными, страх. Из жизни людей не исчезли такие понятия, как «враг народа», ГУЛАГ и т. д. Аппарат насилия продолжал работать, лишь на время ослабив свои тиски.

Война окончена, система Мир вступила на путь стабилизации. В ходе войны СССР имел все возможности для интеграции в мировое сообщество, однако к концу 1945 г. комплекс противоречий между союзниками оказался неразрешимым. Экономические и политические интересы систем СССР и Запад сталкиваются на Дальнем Востоке, в Корее, Иране, Турции, Восточной Европе, по германскому вопросу. События, происходившие на фоне нарастающего ядерного противостояния СССР — США, знаменовали собой начало холодной войны, а с точки зрения синергетики — вступление системы Мир в период воссоздания и сохранения прежнего порядка, с его консервативными, охранительными тенденциями в жизни социумов.

Период до смерти Сталина является логическим продолжением предыдущего цикла, с той лишь разницей, что власти приходилось учитывать те многочисленные подвижки в сознании людей, перенесших тяжелейшую психологическую травму. Состояние сознания людей можно охарактеризовать как предкризисное: с одной стороны, гордость за свою страну, а с другой, становящееся все более очевидным нарастание противоречий между социальными ожиданиями и действительностью. Однако проявление недовольства в этот период носило ограниченный, подсознательный характер. Сказывалось давление аппарата идеологической обработки населения и невероятный творческий энтузиазм народа-победителя, который в руках умелого дирижера был использован для восстановления экономики страны в максимально короткие сроки.

В СССР это проявилось в том, что с освобождением оккупированных районов Беларуси, Украины и по мере продвижения советской армии на запад система тоталитарной власти включает охранительные механизмы — начинается «закручивание гаек», направленное на воссоздание и сохранение прежнего общественного порядка. На полную мощь начинает работать пропагандистско-репрессивный аппарат — усиливается идеологическая обработка населения, принимаются меры против инакомыслящих и «неблагонадежных». Для Беларуси это вылилось в волну репрессий, направленных не только против населения, проживавшего на оккупированных территориях, но и против партизан и подпольщиков, внесших неоценимый вклад в дело освобождения республики.

Для налаживания нормального функционирования системы необходимо было прежде всего восстановить народное хозяйство и решить социальные проблемы.

В рамках плановой системы восстановление экономики предполагалось завершить в течение четвертой пятилетки (1946—1950 гг.), причем к 1950 г. объем промышленного производства должен был увеличиться на 28 %. Для восстановления народного хозяйства БССР были привлечены ресурсы всей страны. Разрушенная промышленность Беларуси была воссоздана на относительно высоком технологическом и техническом уровне. При этом темпы экономического развития были наиболее быстрыми в западной части республики.

Но в целом план четвертой пятилетки так и не был выполнен. Причины этого заключались не только в трудностях восстановительного периода, но и в постепенном перерастании геополитического и экономического противоречия систем СССР — Запад в военно-политическое противостояние, и, как следствие, в переориентации денежных ресурсов на ВПК, в отрасли, связанные с наращиванием военного потенциала страны. В итоге пострадали сельское хозяйство, социальная сфера, легкая промышленность и др.

Более того, деревня воспринималась властью как неисчерпаемый источник государственных доходов. В результате нагрянули голод 1946—1947 гг., произошла окончательная ломка деревенского уклада, сокращение сельского населения, отток молодежи в города.

Низким сохранялся уровень социальной обеспеченности советских граждан. К началу 1950-х гг. ни в одном из городов СССР не обеспечивались требования санитарных норм по жилью. Несмотря на активные

работы по восстановлению разрушенного войной жилого фонда, в БССР к 1955 г. на одного жителя приходилось только 4,6 кв. м жилой площади³. Особо острой была ситуация в городах, переживавших активный рост. Советские граждане не получали также должного медицинского обслуживания, ощущали нехватку товаров первой необходимости.

Ситуация в стране была сложной и неоднозначной. Невозможно было предсказать центры сил, вокруг которых могли формироваться новые структуры. Состояние социальной системы в данный период следует

охарактеризовать как в целом стабильное, но с явным нарастанием противоречий между стремлением людей к свободному жизнеустройству и желанием государства ограничить эту свободу в целях само- сохранения.

Со смертью И. В. Сталина в марте 1953 г. система СССР вступает в новый цикл своей жизни, который можно охарактеризовать как попытку ее структурной перестройки с учетом резко изменившейся обстановки в мире и внутри страны.

Период 1953—1954 гг. стал фазой «самоопределения», когда система оказалась в состоянии «прострации», вызванной смертью бессменного вождя, человека-бога (известны многочисленные примеры того, что смерть Сталина воспринималась людьми как конец света, как крушение их надежд на светлое будущее). Понадобилось достаточно много времени для того, чтобы, собравшись с силами, система смогла попытаться реорганизовать свою жизнедеятельность, учитывая изменения, произошедшие как в правящей элите, так и в сознании людей.

Эта попытка реорганизации связана с именем Н. С. Хрущева. Она стала возможной в результате формирования новой социальной элиты, которая после смерти Сталина всеми силами стремилась не допустить концентрации всей полноты власти в руках одного человека путем слома сначала идеологической, а затем и организационной базы тоталитарного режима.

В 1956 г. эволюционная «десталинизация» сменилась радикальным разрывом с прошлым: на закрытом заседании XX съезда КПСС Н. С. Хрущев сделал доклад с разоблачением культа личности Сталина. Так, как это было сделано, нанесло мощный удар по фундаменту советского государства. Это был первый принципиальный шаг к разрушению его легитимности. В результате XX съезда возник кризис, который положил начало ликвидации коммунистического движения в ев-

ропейских странах Запада, разрушил систему страха, пробудил общественное сознание.

Существуют разные версии объяснения причин, по которым верхушка партийного аппарата решила нанести такой удар по основам советской государственности. Некоторые историки, исходя из перечня лиц, которые были уничтожены при Сталине и подняты на пьедестал Хрущевым, делают вывод, что речь шла о реванше номенклатуры и мести за репрессии против нее в 1937—1938 гг.⁴ Так в БССР с 1956 по 1962 г. было реабилитировано 29012 человек, среди них В. Г. Кнорин, А. И. Криницкий, Н. Ф. Гикало и др.

Все это в сочетании с многочисленными успехами на международной арене (запуск первого спутника Земли в 1957 г., полет человека в космос в 1961 г., мирное разрешение Карибского кризиса в 1963 г.) должно было помочь народу преодолеть разочарование и вдохновить его на новые подвиги. Однако профанация советского государства вызвала лишь комплекс вины у тех, кто это государство строил и защищал, и нарастание желания кардинально менять жизнь у новых поколений.

Таким образом, период «оттепели» — достаточно сложное и многослойное явление в цикле развития системы СССР. С одной стороны, мы можем констатировать, что система СССР претерпела существенное обновление государственно-партийного аппарата, началась идеологическая ломка, которая привела к кризису доверия к органам государственного управления со стороны общества и формированию оппозиционных группировок, произошли существенные сдвиги в материальном обеспечении советских граждан. С другой стороны, очевидно, что процессы обновления системы искусственно тормозились высшим руководством страны из-за боязни утратить контроль над жизнью социума. Сознание людей в этот период можно охарактеризовать как находящееся в стадии нарастания противоречий, возникших с разрушением «иллюзий сталинской эпохи», однако новых ориентиров так и не было создано. Все более очевидным становился разрыв между индивидуальным и социальным уровнем знания.

С отставкой Хрущева в системе окончательно возобладали консервативные настроения, на полную мощь заработали охранительные механизмы: усиливалась централизация государственного аппарата, ужесточался идеологический контроль. Однако духу преобразований «хрущевской эпохи» еще последовала реформа А. М. Косыгина, проводившаяся уже после его отставки. Ее целью было сокращение плановых

показателей, увеличение прибыльности предприятий и материальное стимулирование работников производства. Но довольно быстро выяснилось, что хозяйственная система отвечала на изменения не так, как ожидалось, и реформа была бесшумно свернута. Причины ее неудачи коренились в сохранении государственного контроля, многочисленных плановых показателей, отсутствии экономической самостоятельности предприятий. Следствием этого явилась незаинтересованность производителей в результатах труда, формальное отношение к работе.

Фаза поворота к контрреформам окончательно обозначается с конца 1960-х гг., когда власть концентрируется в руках номенклатуры, которая превращается в закрытую прослойку, существующую независимо от общества. Серьезное влияние на обстановку в стране оказывала борьба между различными партийными группировками, особенно обострившаяся после того, как Л. И. Брежнев стал утрачивать контроль за положением дел. Сложилась ситуация, в которой решения, принимаемые политической элитой, не выполнялись. Руководители высшего и среднего звена лишь имитировали бурную деятельность,

подгасовывая фактические данные. Росла пропасть между высшим руководством и местной элитой, между местной властью и реальной жизнью общества. Вместе с тем осуществление консервативного поворота произошло достаточно мягко. Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, социальное сознание находилось еще в ситуации «сосуществования» с накопившимися противоречиями. Разрешение противоречий тогда происходило, с одной стороны, посредством изоляции (ограничения взаимодействия субъекта с окружающей средой) либо согласования (адаптации с окружающей действительностью).

В целом этот период характеризуется замедлением темпов экономического роста, сохранением экстенсивного пути хозяйствования, нарастанием кризисных явлений, и, прежде всего, в сфере продовольственного обеспечения населения. Тем не менее нельзя не отметить, что цикл модернизации 1950-х — начала 1980-х гг. способствовал тому, что впервые в истории общество советских граждан стало урбанизированным, индустриальным, способным развиваться более динамично, был подготовлен переход от традиционного общества к современному.

Именно в этот период происходят революционные изменения в менталитете советских граждан. Авторитет государства, подорванный еще разоблачениями Хрущева, был окончательно утерян. В это время мы можем наблюдать утрату большинством советских граждан веры в не-

збылемость социалистических ценностей. Появление подобных сомнений есть первый признак перехода социальной системы в режим нестабильности. В 1960—1970 гг. власть еще пыталась блокировать подобные отклонения в общественном сознании (аресты, преследования ит.д.). Но к 1980-м гг. эти явления стали массовыми, что свидетельствовало об общем кризисе системы, начале эпохи серьезных социальных потрясений.

Для Беларуси в 1965—1985 гг. характерны те же тенденции, что и для системы СССР в целом. С одной стороны, наблюдались успехи в развитии промышленности и сельского хозяйства, рост социального благосостояния населения, а с другой — упадок национальной культуры (политика русификации была наиболее пагубной для Беларуси), возникшие проблемы с продовольственным обеспечением, имело место отмежевание политической элиты от общества.

Общеизвестно, что диалога с общественностью боится слабое государство. Слабое не по своим возможностям, а из-за низкого социального авторитета, профессиональной неподготовленности политиков и служащих вести государственные дела в динамической социальной среде, изобилующей парадоксами и конфликтами⁵. Это в полной мере нашло отражение в истории, как БССР, так и СССР в целом.

Интересен тот факт, что, несмотря на нарастание кризисных явлений и в экономике, и в общественном сознании, в социальной памяти народа 1960-е — начало 1980-х гг. остались временем стабильности, уверенности в завтрашнем дне. Это можно объяснить феноменом «ретроспективной аберрации»: подобные представления могли возникнуть и действительно появились в «лихие» 1990-е гг. великих неоправдавшихся надежд, когда растущие ожидания не соответствовали реальности и рождали иллюзорные воспоминания о прошлом «золотом веке»⁶.

Начало новой фазы было положено на внеочередном пленуме ЦК КПСС, состоявшемся в марте 1985 г., когда новым генеральным секретарем был избран М. С. Горбачев.

К этому времени кризисная ситуация во всех сферах жизни общества стала очевидной. Преимущественное развитие отраслей, связанных с ВПК, сверхцентрализация управления, технологическое отставание были теми причинами, которые толкнули руководство страны на проведение реформ прежде всего в экономической сфере — известных как «перестройка».

Эти реформы привели систему СССР в крайне неустойчивое состояние. В итоге все попытки руководства страны преодолеть кризисные явления становились катализатором экономической, политической, социальной дезинтеграции и приводили к утрате реальных рычагов управления системой.

В такой ситуации отдельные части системы становятся более активными, зрячими, появляются альтернативные варианты развития. Местные политические элиты фактически начинают вести независимую от центра политическую линию. Во многих советских республиках это накладывалось на массовое антикоммунистическое и национальное движение. К началу 1991 г. процесс суверенизации республик становится необратимым. Система не смогла справиться с мощными центробежными потоками, происходит распад прежних упорядоченных организационных структур, и на обломках этой системы начинается поиск новых форм упорядоченности, положивших начало новой фазе исторического развития. 8 декабря 1991 г. были подписаны знаменитые Беловежские соглашения, которые законодательно оформили распад системы СССР и заложили основу новому мироустройству.

Время «перестройки» стало принципиально важным периодом существования системы БССР как части системы СССР, когда была осуществлена переоценка базовых ценностей и были заложены основы современного миропонимания белорусов.

Помимо общих трудностей, характерных для развития системы СССР, в 1980-е гг. Беларуси пришлось

перенести еще одну трагедию — аварию на Чернобыльской АЭС, которая способствовала формированию ореола «жертвенности», обреченности, и без того характерных для нашего народа. 1980-е гг. стали очередной точкой бифуркации в циклическом развитии системы СССР. Попытки преобразовать систему оказались неадекватными быстро эволюционирующей ситуации в стране и мире. Флуктуации внутри системы вблизи точки бифуркации стали катализатором центробежных процессов и одновременно послужили базой для формирования новых структур. Пережить кризис и перейти к новому этапу самоорганизации Беларуси предстояло уже в качестве автономной единицы системы «мир».

Понятно, что эти процессы способствовали серьезным подвижкам в сознании уже бывших советских граждан. С одной стороны, налицо желание перемен, неприятие советского прошлого, желание жить как на Западе, а с другой — укоренившиеся представления о социальной

справедливости, равенстве, уравнительстве, что ни в какой мере не соответствовало либеральным ценностям, пропагандировавшимся в начале 1990-х гг.

Процесс модернизации всегда в той или иной мере сопровождается потерей устойчивости общественного сознания, прежних жизненных ориентиров, связанных с кризисом идентификации, со сменой «архетипов», глубинных структур и образцов сознания и поведения⁷. Таким образом, Беларусь оказалась в фазе становления нового общественного сознания, гражданского общества, необходимых для дальнейшего развития Республики Беларусь.

Несомненно, ценность синергетической парадигмы для представления жизни социума заключается в утверждении понимания того, что для устойчивого развития любой системы необходимы определенная доля хаоса, спонтанности развития, и определенная доля внешнего управления, которые должны согласовываться друг с другом. Обе крайности — и полный хаос (выживание сильнейших) и тотальный контроль (выживание избранных структур) — являются неприемлемыми. Синергетика не отрицает «прошлого» видения универсума, она лишь изменяет акценты, давая возможность более адекватно отразить, скорее даже понять, чем изучить, окружающий нас мир⁸.

¹ Князева Е. М., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб. : Алетея, 2002. 414 с. С. 169.

² Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. Сер. «Мир культуры, истории, и философии». СПб. : Лань, 1999. 480 с. С. 277.

³ Касцюк М. П., Ігнаценка І.М., Вышынскі У. І. і інш. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. /Інстытут гісторыі АН Беларусі. Мінск, 1995. Ч. 2. 516 с. С. 354.

⁴ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация [Электронный ресурс]: в 2 т. Т. 2. Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru>

⁵ Романов В. Л. Социальная самоорганизация и государственность. М. : Изд-во РАГС, 2000. с. 141. С. 127.

⁶ Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: синергетика, психология и футурология. М. : ПЕРСЭ, 2001. 239 с. С. 21.

⁷ Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М. : Наука, 2004. 246. С. 163.

⁸ Сидорцов В. Н., Латышева В. А. Народ во Второй мировой и Великой Отечественной войне: синергетический взгляд на историю. Минск, 2005. 144 с. С. 7.